

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ ЗАКОНОВ¹

Е.Е. ТОНКОВ¹¹
В.Ю. ТУРАНИН²¹

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Turanin@bsu.edu.ru

В статье проводится анализ двух видов лингвистических ошибок, встречающихся в российском законодательстве: нарушение лексической сочетаемости и неудачное образование юридических неологизмов. Авторы иллюстрируют затронутые проблемы с помощью конкретных примеров, взятых из текстов современных законов, и предлагают систему правовых мер по улучшению лингвистического качества российского законодательства.

Ключевые слова: лингвистическая ошибка, российское законодательство, официальный стиль, законотворческая деятельность.

Существующая проблема, связанная с ошибочностью в использовании юридической терминологии в российском законодательстве, во многом предопределяется нарушением участниками законотворческой деятельности постулата о неразрывной связи термина и понятия, несоблюдением требования необходимой точности (истинности) языкового выражения правовых норм.

Константой, раскрывающей суть необходимого взаимодействия и существования в едином пространстве законодательной мысли и слова, понятия и термина, служит точность их реализации. По справедливому замечанию Н.В.Белоконь, «точность (т.е. соответствие смыслового содержания текста той информации, которая кладется в его основу) предполагает употребление слов, словосочетаний в их прямом значении, не допускающем двусмысленности, произвольного толкования, искажающего смысл нормативно-правового документа и могущего повлиять на процесс реализации правовых норм»². Во многом именно на точности использования юридических терминов основывается необходимое качество законодательного акта, соответствием замысла и его языкового воплощения определяется уровень когнитивного восприятия пользователем текста закона. Актуальным в этом отношении представляется мнение Е.В.Сырых, в соответствии с которым «точность языка закона, понимаемая как степень соответствия текста закона нормативной мысли законодателя, является первым и необходимым условием действительности норм права, закрепленных законом»³. В данном случае можно добавить, что точность языкового проявления законодательной мысли – это не просто условие реального существования конкретной правовой нормы, а предпосылка ее адекватного применения. И совершенно прав Ю.С.Ващенко, утверждая о том, что «точность замысла и его воплощение – это полное соответствие актуализированного законодателем значения высказывания передаваемому правовому смыслу»⁴.

Российское законодательство играет ключевую роль в общественном развитии и поэтому представляет зону особого внимания. Как справедливо заметил В.Н.Карташов, «учитывая тот факт, что в различных коммуникативных системах смысл слов и других средств выражения понятий порой искажается, как в теории, так и в практической

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 6.2866.2011, выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

² Белоконь Н.В. Лингвистические ошибки в нормативно-правовых документах // URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1120608> (дата обращения: 11.01.2011).

³ Сырых Е.В. Общие критерии качества закона. – Дисс...канд. юрид. наук. – М., 2001. – С.158.

⁴ Ващенко Ю.С. О коммуникативной точности законодательного текста в правотворчестве // Российская юстиция. – 2006, № 4. – С.60.

юридической деятельности особенно важно стремиться к точности, определенности и ясности терминологии».⁵ Отметим, что такое стремление архиважно в процессе формулирования законодательного текста, так как точность употребления юридической терминологии определяет достоверность правовых норм, повышает доступность их восприятия. Подлинная языковая реализация законодательной мысли имеет прямое влияние на формирование идеологии уважения к закону, установление режима долговечности нормативных предписаний, ведь, «in legibus salus» (в законах спасение).

Кроме этого, важно обратить внимание на то, что каждый закон должен укреплять ответственность власти перед гражданами, реализовывать основные задачи, стоящие перед правовым государством. Поскольку юридическая терминология является, в частности, и официальным языковым проводником государственных решений, ее значение в процессе формирования и применения правовых норм весьма высоко. Однако, следует заметить, что в современном российском законодательстве зачастую встречаются и терминологические ошибки. Некоторые из них, связанные с негативными политическими или правовыми последствиями, более очевидны и, зачастую, они устраняются с помощью поправок к законам, другие – менее очевидны, и внимание на их существование обращается лишь в научном юридическом сообществе.

С нашей точки зрения, все ошибки, допускаемые при использовании юридической терминологии в российском законодательстве, исходя из их отраслевой природы, можно разделить на четыре группы:

- правовые;
- политические;
- логические;
- лингвистические.

Конечно, такое деление имеет весьма условный характер, так как практически любой закон представляет собой единство правового, политического, логического и лингвистического начал. Поэтому при отнесении терминологических ошибок, присутствующих в российском законодательстве, к какой-либо группе, мы исходим из принципа приоритетности того начала, которое является для каждого конкретного случая доминирующим по своей сути. В настоящей статье мы попытаемся остановиться на исследовании, пожалуй, самой разноплановой группы ошибок, которую объединяют лингвистические корни.

Отметим, что недостаточная лингвистическая проработанность законодательного текста отрицательно отражается на его качестве, а, следовательно, является одной из основных предпосылок для возможного неоднозначного восприятия каждой конкретной правовой нормы заинтересованным лицом.

Следует заметить, что в юридической науке активно исследуются лингвистические ошибки, присутствующие в языке законов, связанные с синонимией, омонимией, антонимией, полисемией.⁶ При этом, например, на вопросы нарушения лексической сочетаемости, практически не обращается внимания. В этой связи, попытаемся сконцентрировать внимание на двух видах лингвистических ошибок, связанных, прежде всего, с лексическими недоработками, которые негативно характеризуют язык современных российских законов, и, одновременно, являются малоизученными в юридической науке: нарушение лексической сочетаемости и неудачное образование юридических неологизмов.

1. Нарушение лексической сочетаемости.

⁵ Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / Под ред. д.ю.н., проф. Н.И.Матузова. – Саратов, 1989. – С.23.

⁶ Боголюбов С.А. Юридическая терминология: вопросы синонимии /// Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. – М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1987, Вып. 40. – С. 25-35; Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции. Дисс... докт. юрид. наук. – Казань, 1996; Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит., 1990; Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права. Дисс... канд. юрид. наук. – Москва, 1996; Васильева Л.Н., Власенко Н.А. Текстоведческие основы юридической техники / в кн.: Доктринальные основы юридической техники / Отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А.Власенко. – М., 2010. – С.234-241.

Для правильного употребления терминов в языке законов необходимо учитывать особенности лексической сочетаемости слов, основанной на их способности соединяться друг с другом. Отметим, что границы лексической сочетаемости слов в языке законов определяются, прежде всего, их семантикой, стилистической принадлежностью и грамматическими свойствами. В свою очередь, нарушение лексической сочетаемости связано с объединением не сочетаемых между собой слов, «неразличением близких в каком-либо отношении обозначаемых понятий».⁷ Полагаем, что необходимо обратить внимание на некоторые примеры нарушения лексической сочетаемости слов в текстах современных российских законов.

Так, в тексте статьи 27 Уголовного кодекса Российской Федерации содержится следующая формулировка: «если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия...». В данном случае ошибочно использовано сочетание «причиняются последствия». Представляется очевидным, что последствия могут только наступать, а причиняется вред или ущерб. Соответственно, в исследуемом контексте необходимо было использовать выражение «наступают последствия».

В тексте статьи 40 УК РФ закреплено положение, в соответствии с которым, «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)». Отметим, что выражение «руководить бездействием» – это также пример нарушения лексической сочетаемости. Можно руководить либо не руководить своими действиями в силу каких-либо причин, но руководить своим бездействием не представляется возможным. В бездействии можно лишь пребывать (находиться в состоянии покоя, неподвижности). Поэтому в тексте статьи 40 УК РФ вполне возможно использовать следующую формулировку: «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями, либо пребывало в бездействии».

Кроме этого в УК РФ употребляются такие ошибочные словосочетания, как «загладить вред» и «деятельное раскаяние» (например, в тексте статьи 75 УК РФ). Отметим, что вред в российском праве в определенных случаях подлежит возмещению, а не «заглаживанию». Процедура «заглаживания вреда» не определена в юридической науке. Право на существование в законодательном тексте словосочетания «деятельное раскаяние» также вызывает определенные сомнения. Дело в том, что раскаяние вряд ли может быть деятельным. Термин «раскаяние» трактуется лишь как «сознание своей вины, сожаление о совершенном проступке»⁸. Иными словами, раскаяние – это не действия, это процесс, непосредственно связанный с душевными переживаниями человека, переосмыслением содеянного. Любые действия в данном случае могут являться лишь последствием раскаяния, но не его частью. Поэтому деятельное раскаяние невозможно, а в российском законодательстве и правоприменительной практике можно говорить лишь о «действиях в результате раскаяния».

В современном российском законодательстве активно употребляется и такое ошибочное словосочетание, как «регулирование правоотношений», которое задействовано, например, в статье 1 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»,⁹ в статье 1 Федерального закона «О почтовой связи»,¹⁰ в статье 1 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».

⁷ Розенгаль Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М., 1998. – С. 171.

⁸ Словарь русского языка в 4-х т. /АН СССР. Институт русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1983. – Т.3. – С.642.

⁹ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

¹⁰ Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29. Ст. 3697.

Федерации»,¹¹ а также в тексте некоторых других нормативных правовых актов. При этом отметим, что само его существование стоит на грани юридического абсурда, ведь правоотношение – это уже «урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого являются носителями субъективных прав и обязанностей».¹² Еще более абсурдно использование такого выражения, как «правовое регулирование правоотношений», которое задействовано, например, в названии статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».¹³ Очевидно, что регулировать можно определенные общественные отношения, но не правоотношения. Соответственно, в законодательном тексте возможно лишь употребление термина «регулирование общественных отношений».

Отметим, что причины возникновения проблемы, связанной с нарушением лексической сочетаемости в языке законов весьма различны. В каких-то случаях, это очевидные упущения субъектов законотворческой деятельности (вряд ли есть объяснение внедрению в законодательный текст таких выражений, как «причиняются последствия», «загладить вред», «регулирование правоотношений», «правовое регулирование правоотношений»), в каких-то случаях, это неудачные наименования правовых институтов («деятельное раскаяние»), а в каких-то случаях, это может быть неоправданное желание сократить законодательный текст (выражение «руководить своими действиями (бездействием)»). Безусловно, что данные языковые решения значительно снижают качество законодательного текста, отрицательно сказываются на эффективности применения правовых норм.

2. Неудачное образование юридических неологизмов.

Неологизм – это «новое, недавно появившееся слово в речи, новшество в словарном составе языка».¹⁴ Появлению неологизмов способствуют различные события общественной жизни, происходящие, прежде всего, под влиянием научно-технического прогресса. Необходимо отметить, что неологизмом слово (или выражение) остается до тех пор, пока его новизна ясно ощущается пользователями. Как только данное слово (или выражение) становится достаточно употребительным, оно автоматически переходит в активный словарный запас. Так, например, в конце XX века неологизмами были слова «перестройка», «гласность», которые вскоре утратили оттенок новизны, так как были освоены в устной и письменной речи.

Юридические неологизмы – это новые слова или выражения, используемые в юридическом языке и обозначающие соответствующие юридические понятия. Полагаем, что юридическими неологизмами в современном языке законов можно считать такие относительно недавно появившиеся выражения, как «центральный депозитарий»¹⁵, «микрофинансовые организации»¹⁶, «хозяйственное партнерство»¹⁷. Однако не все неологизмы, вводимые в законодательный текст, можно признать удачно образованными. Так, с нашей точки зрения, весьма спорным является использование в некоторых законодательных актах таких юридических неологизмов, как

¹¹ Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51. Ст. 4832.

¹² Большой юридический словарь / Под ред. А.Я.Сухарева, В.Д.Зорькина. – М.: Инфра-М, 1998. – С.525.

¹³ Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

¹⁴ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М., 2001. – Т.1. – С.569.

¹⁵ См.: Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 414-ФЗ «О центральном депозитарии» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2011, № 50, ст. 7356.

¹⁶ См.: Федеральный закон от 02.07.2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2010, № 27, ст. 3435.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 03.12.2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, № 49 (ч. 5), ст. 7058.

«железнодорожный транспорт необщего пользования»,¹⁸ «железнодорожные пути необщего пользования»¹⁹, «автомобильные дороги необщего пользования».²⁰ Полагаем, что в приведенных случаях следует говорить о транспорте, путях, дорогах специального пользования. Тогда будут соблюдены нормы русского литературного языка (слова «необщий» не содержится в толковых словарях современного русского языка), а также выдержана логическая антитеза «общий-специальный». Неудачно образованные юридические неологизмы присутствуют и в региональных нормативных правовых актах. Например, в статье 1 закона Ярославской области «О государственной поддержке и развитии лизинга в агропромышленном комплексе Ярославской области»²¹ используется неологизм «племенная животноводческая продукция», который не задействован в федеральном законодательстве. При этом в Федеральном законе «О племенном животноводстве»²² используются термины «племенное животное», «племенная продукция (материал)», которые охватывают смысл предложенной на региональном уровне языковой новации.

Неудачное образование юридических неологизмов иногда находится в прямой взаимосвязи с лексической неполнотой формулировки, которая заключается в пропуске необходимого слова (нескольких слов) в предложении или фразе. Например, в тексте Федерального закона «О транспортной безопасности» используется неологизм «акт незаконного вмешательства» (ст.ст. 1, 2 и др.).²³ На наш взгляд, данный термин сформулирован лексически неполно. Поэтому он позволяет трактовать соответствующее понятие значительно шире, чем это необходимо для регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере транспортной безопасности страны. Полагаем, что в данном случае возможно лишь оперирование таким термином, как «акт незаконного вмешательства в деятельность транспортного комплекса», то есть здесь нужна языковая конкретизация.

Необходимо отметить, что, к сожалению, современный русский язык зачастую воспринимается в обществе лишь как инструмент для повседневной коммуникации, а не как эталон устной и письменной речи. Данное заблуждение основано, в частности, и на тех лингвистических ошибках, которые присутствуют в текстах законов. При этом именно закон должен быть образцом официального стиля и лингвистической грамотности.

Наличие лингвистических ошибок в использовании юридической терминологии в современном российском законодательстве свидетельствует о необходимости разработки системы мер по их нейтрализации и предотвращению появления в будущем. Полагаем, что такая система должна включать:

- осуществление ревизии российского законодательства на предмет выявления различных ошибок, связанных с использованием юридической терминологии, по итогам которой язык законов должен быть приведен в соответствие требованиям Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (ст.ст.1, 3);

¹⁸ См., напр.: ст. 1 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 169.

¹⁹ См., напр.: ст. 55 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст.170; ст. 21 Федерального закона от 08 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5557.

²⁰ См., напр.: ст. 5 Федерального закона от 08 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 46. Ст. 5553.

²¹ Закон Ярославской области от 04 марта 2003 г. № 10-З «О государственной поддержке и развитии лизинга в агропромышленном комплексе Ярославской области» // Губернские вести. 10 марта 2003 г. № 16(1224).

²² Федеральный закон от 03 августа 1995 г. № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 32. Ст. 3199.

²³ Федеральный закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 837.

- разработку и официализацию свода правил использования юридической терминологии в языке законов;
- реализацию комплекса просветительских и образовательных мер для лиц, занимающихся или стремящихся заниматься профессиональной юридической деятельностью (пропаганда культуры письменной и устной речи юриста в средствах массовой информации, введение в образовательный процесс российских вузов юрислингвистических дисциплин).

Список литературы

1. Белоконь Н.В. Лингвистические ошибки в нормативно-правовых документах // URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1120608> (дата обращения: 11.01.2011).
2. Сырых Е.В. Общие критерии качества закона. – Дисс...канд. юрид. наук. – М., 2001. – С.158.
3. Ващенко Ю.С. О коммуникативной точности законодательного текста в правотворчестве // Российская юстиция. – 2006, № 4. – С.60.
4. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / Под ред. д.ю.н., проф. Н.И.Матузова. – Саратов, 1989. – С.23.
5. Боголюбов С.А. Юридическая терминология: вопросы синонимии /// Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. – М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1987, Вып. 40. – С. 25-35.
6. Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции. Дисс... докт. юрид. наук. – Казань, 1996.
7. Язык закона / Под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрид. лит., 1990.
8. Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права. Дисс... канд. юрид. наук. – Москва, 1996.
9. Васильева Л.Н., Власенко Н.А. Текстоведческие основы юридической техники / в кн.: Доктринальные основы юридической техники / Отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А.Власенко. – М., 2010. – С.234-241.
10. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – М., 1998. – С. 171.
11. Словарь русского языка в 4-х т. /АН СССР. Институт русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1983. – Т.3. – С.642.
12. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.
13. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29. Ст. 3697.
14. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51. Ст. 4832.
15. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я.Сухарева, В.Д.Зорькина. – М.: Инфра-М, 1998. – С.525.
16. Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-т. – М., 2001. – Т.1. – С.569.
18. Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 414-ФЗ «О центральном депозитарии» // Собрание законодательства РФ, 12.12.2011, № 50, ст. 7356.
19. Федеральный закон от 02.07.2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2010, № 27, ст. 3435.
20. Федеральный закон от 03.12.2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, № 49 (ч. 5), ст. 7058.
21. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 169.
22. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст.170.
23. Федеральный закон от 08 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5557.

24. Федеральный закон от 08 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 46. Ст. 5553.

25. Закон Ярославской области от 04 марта 2003 г. № 10-З «О государственной поддержке и развитии лизинга в агропромышленном комплексе Ярославской области» // Губернские вести. 10 марта 2003 г. № 16(1224).

26. Федеральный закон от 03 августа 1995 г. № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 32. Ст. 3199.

27. Федеральный закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 837.

LINGUISTIC MISTAKES IN TEXTS OF THE RUSSIAN LAWS

E.E.TONKOV¹⁾

V.Y.TURANIN²⁾

*Belgorod National
Research University*

¹⁾ e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: Turanin@bsu.edu.ru

The article considers two types of the linguistic mistakes in the Russian legislation: violation of lexical compatibility and unsuccessful formation of legal neologisms. The authors illustrate the mentioned problems by means of the concrete examples taken from texts of modern laws, and offer system of legal measures for improvement of linguistic quality of the Russian legislation.

Keywords: linguistic mistake, Russian legislation, official style, legislative activity.